

ИЗ МАСТЕРОВ МАСТЕР

В когорте выдающихся земляков, которыми вправе гордиться калининцы, особое место занимает Сергей Яковлевич Лемешев. Нет, пожалуй, в нашей стране человека, который не слышал бы имени этого выдающегося певца, народного артиста СССР. Родился он в деревне Старое Князево Калининского района.

Завтра Сергею Яковлевичу исполняется 70 лет. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей отрывки из книги певца «Путь к искусству», выпущенной издательством «Искусство». Эти строки говорят о почве, на которой начал расти ныне всемирно известный певец.

СЕБЯ я помню с трехлетнего возраста. Помню, что родители мои — Акулина Сергеевна и Яков Степанович — любили петь, особенно мама.

Мне запомнились долгие зимние вечера, когда мать со своими подругами сидела за пряхей и они пели согласным, стройным хором. Тонкий, инструментально ровный голос матери поднимался над другими, звуча грустно и нежно. Да и песни-то пели у нас все грустные, надрывные.

Первые песни, которые я услышал, были: «Уродилась я, как былинка в поле», «Ванька-ключник», «Вниз по матушке, по Волге», «Во субботу день ненастный», «Выйду ль я на реченьку», «Потеряла я колючку», «Не будьте меня, молодую» и другие. Веселых песен мне запомнилось мало: тогда их пели, пожалуй, только на праздники, когда молодежь собиралась водить хоровод. Помню длинную до бесконечности, протяжную песню, которую запевали девушки, а хор им подтягивал:

Туман, туман при долине,
Широкий лист на малине,
Есть пошире на дубочке,
Манял молодец девочку.
Не свою маня, чужую:
— Пойдем, радость, поцелую...

Около нашей маленькой избенки был лужок, на котором в праздники водили хороводы, пели песни, молодежь играла в чехарду, горелки и другие игры, а ребятишки везде совались, попадали всем под ноги, хохотали. И здесь я не могу не вспомнить об отце...

Без песни я его не представляю. Быть может, потому, что возвращался домой он обычно в праздники; тогда в нашу избенку набивалась тьма народу — у отца было много друзей, — и все просили его петь.

Пел отец всегда охотно, с большой душой, как вообще все делал, — равнодушным, спокойным я его не видел. Голос у него был звонкий, красивый, да и сам он был, как теперь понимаю, очень красив. Выше среднего роста, широкий в плечах, с густыми русыми кудрями и пышными усами, он привлекал той открытой, ясной красотой, которая так часто встречается в русском народе. Мать с грустной нежностью называла его «непутевым», но когда я однажды спросил ее, почему же она вышла за «непутевого», она ответила: «Да ведь красивее его никого не было...».

Из песен отца мне запомнились многочисленные «тройки», которые он пел так, что моя душа, казалось, уносила вдогонку за его голосом... Знал он и городские песни, которых на деревне тогда не пели: «Среди лесов дремучих», «Не осенний мелкий дождичек», «Доля бедняка»:

Ах ты доля, моя доля,
Доля бедняка,
Тяжела ты, безотрадн,
Тяжела, горька.

И в его песнях слышались печаль-тоска, горечь несбывшихся надежд...

Сейчас я понимаю, что отец принадлежал к тем талантливым русским натурам, которые часто погибали в неравной борьбе с нуждой, так и не сумев выбиться в люди.

ЛЮБОВЬ к песне отличала всю нашу семью. Любили ее и сестры отца, особенно две из них. У Наташи было сильное, звонкое сопрано, которое выделялось во всех хорах. Мы узнавали ее голос версты за две! А самая младшая — моя тетка Аниса — обладала голосом, чудесным по нежности и красоте тембра. И сама она была нежная, ласковая, необычайно тихая и скромная. Когда мне было лет тринадцать, она повенчалась с парнем из соседней деревни. Но тотчас после венча убежала из дома мужа и вернулась под родную кровлю. Так и прожила всю жизнь вместе со старшей сестрой.

Из скромности Аниса пела главным образом, когда оставалась одна. Как-то летом, ловя в речке рыбу, я подслушал ее пение — она собирала в поле цветы и запела: «Ничто в полосушке не колыхнется». Теперь эта песня неразрывно связана в моей памяти с пением моей младшей тетки. Голос у нее был, как говорит в на-

роде, «ангельский» — такого тембра я никогда больше не слышал. Если б революция свершилась лет на десять раньше, то Аниса, несомненно, стала бы известной певицей. Много, много талантов погубило на старой Руси, так и не раскрывшись.

В конце 1918 года в жизни нашей деревни произошло событие, которому я обязан всей своей дальнейшей судьбой.

Из Москвы приехал наш хуторский сосед, инженер-архитектор Николай Александрович Квашинин с семьей. По заданию Наркомпроса он открыл на своем хуторе ремесленную школу для деревенской молодежи. Кроме общеобразовательного курса в пределах семилетки там преподавались и специальные дисциплины для овладения мастерством художественного ремесла: ученики делали красивую резную, в русском стиле, мебель — буфеты, диваны, кресла, столы, шкафы для книг. Эта продукция даже вывозилась на выставку в Тверь. Учили молодежь этому старые мастера из крестьян. Одним из них был Петр Иванов, замечательный столяр-умелец, резчик по дереву. Квашинин и его жена Евгения Николаевна прекрасно владели кистью, и оба вели класс по рисованию, а также преподавали литературу, русский язык, историю, географию.

Тогда Николаю Александровичу было уже лет под пятьдесят. Среднего роста, худощавый, подстриженный бобриком, с бородкой клинышком и в пенсне на черном шнуре, он по виду напоминал типичного чеховского интеллигента. Взглядов придерживался самых передовых, был весел, общителен и обладал разнообразными дарованиями: с бодрым мастерством читал вслух Чехова, великолепно подражал знаменитым артистам, да и не только им.

Помнится, как-то Квашинин посетил местный поп, но вскоре ушел. Вдруг — что за наваждение! — из столовой вновь послышался голос попа — это Николай Александрович так метко схватил его интонацию...

Дом был построен Квашининым по своему проекту, очень интересный. Главную его достопримечательность, конечно, составляли зрительный зал на сорок-пятьдесят человек и сцена с крохотными «карманами», куда уходили актеры.

Дело в том, что Квашинин был страстным театралом и музыкантом-любителем. Он прекрасно играл на рояле, скрипке, гитаре, балалайке и других инструментах, сочинял музыку — у меня сохранились два его романа. А Евгения Николаевна имела профессиональное музыкальное образование, окончив Саратовскую консерваторию по классу пения. Ее сестра Антонина Николаевна и дочь Гаяля тоже были хорошими музыкантами. Это привело к тому, что Квашинин организовал при школе театрально-музыкальный кружок, который, естественно, оказался значительно сильнее нашего деревенского. На первых порах мы вступили с ним в довольно неравный спор за первенство и, конечно, проиграли. Квашинин бывал и на наших вечерах. Как-то раз после концерта, на котором я пел русские песни, он пригласил меня зайти к нему домой (Квашинин слышал меня и раньше, когда я пел один, катаясь на лодке). Там меня слушала вся семья. Но это меня не пугало: петь песни давно стало делом простым и приятным. Так я вошел в новый кружок.

Вскоре мы стали готовить пьесу «Ночное», где я под аккомпанемент балалайки пел русскую песню «То не ветер ветку клонит».

На одной из репетиций, когда я был особенно «в ударе», Николай Александрович сказал:

— А не кажется ли вам, товарищи, что этому мальчику надо серьезно заниматься пением, чтобы стать оперным певцом?

Все с ним согласилось. И вскоре я по всем правилам стал брать уроки пения у Евгении Николаевны, которая к тому же хорошо играла на рояле.

Вначале, должен признаться, я плохо понимал, зачем пению надо особо учиться — ведь я пел с детства, учить меня пели, и это бы-

ло просто и естественно, как сама жизнь. Не скрою — я был в недоумении: для чего же все-таки нужно учиться петь? Тогда Квашинины стали рассказывать мне об оперных театрах, где герои не говорят, а поют. Я узнал, что есть много красивых по музыке опер, но петь их трудно, это требует особого мастерства. Поэтому быть оперным певцом — очень почетно. Зная хорошо оперный репертуар (Квашинины имели раньше свой абонемент в Большом театре), они пересказали мне содержание многих спектаклей, познакомили с жизнью и ролями лучших артистов, показали множество открыток с их изображениями, и передо мною вдруг неожиданно-негаданно открылся такой мир, о существовании которого я даже и не подозревал.

Тогда впервые я услышал имя Собиннова, увидел его фотографии и «заболел» мечтой об опере. А мне еще дали прочесть пушкинскую «Евгения Онегина» и сказали, что на его сюжет написана опера, где есть замечательная партия Ленского, которую я когда-нибудь смогу спеть, и проиграли клавир Чайковского...

Что бы я теперь ил делал — ловил ли рыбу или колол дрова, — я непременно думал об оперной сцене, которая казалась мне недосягаемой и прекрасной мечтой.

Пришла весна. Теплые майские денки стали последними в моей деревенской юности. Я почувствовал, что настала пора определить свой путь в жизни, на что-то решиться. В деревне я оставаться уже не мог — меня, как магнит, тянуло город, искусство, сцена. Простился я со своими наставниками, простился с матерью и ушел в Тверь, поступая здесь в кавалерийское училище.

Вскоре произошел такой случай. К очередному выпуску начальник клуба предложил поставить силами курсантов популярный в то время водевиль с пением «Иванов Павел», а роль героя поручили мне. Со всем доступным мне энтузиазмом я принялся за первую в моей жизни главную роль. Не только я, все работали с огоньком, и спектакль, кажется, налаживался.

Спектакль имел большой успех. Все сошлось во мнении, что роль Иванова написана словно для меня. Слушая похвалы, я со счастливым волнением думал: «Как хорошо, что впереди концерт — буду еще петь!» Петь я был готов до утра. Единственно, о чем жалел, что репертуара, пожалуй, не хватит. Но мне помогли слушатели: они требовали «бисов». После концерта по традиции были танцы. Обычно начинали с вальса, мазурку же танцевали немногие. Я тоже всегда стеснялся пробовать свои силы в мазурке. Но успех так вдохновил меня, что я смело пустился выделывать ногами кабриолет. Тут-то меня и заметил начальник школы Никфоров — чудный, приветливый старик с большими седыми усами. Остановив мой танец, он попросил зайти к нему на другое утро.

Все веселье сняло как рукой! Зачем?

Наутро, в перерыве между занятиями, я не очень браво, но четко отпортовал:

— Курсант Лемешев по вашему приказанию явился!

Каково же было мое удивление, когда он спросил:

— А скажите, курсант Лемешев, кем вы больше хотите быть: кавалеристом или артистом?

Чтобы ответить на этот вопрос, мне, конечно, думать не надо было. Но как ответить так, чтобы не обидеть старого кавалериста?

— Кавалеристом быть хорошо, — твердо произнес я, — но певцом, — тут я почувствовал, что мне изменяет такт, и, смешавшись, закончил невпопад, — тоже.

— Ну что ж, — улыбнулся командир школы. — Мы с комиссаром согласны, что певцом быть тоже хорошо.

Забыв про команду «вольно», я стоял, вытянувшись во весь рост, чувствуя, что сейчас решится что-то самое главное, и все-таки был совершенно не подготовлен услышать:

— Командование решило направить вас на учебу в Московскую консерваторию.

Сказать, что я был очень рад, — значит ничего еще не сказать; я просто онемел от счастья и даже испугался. Уж очень близко подошла ко мне моя мечта!

Через несколько дней перед строем был объявлен приказ об отчислении меня из состава курсантов школы в связи с направлением в консерваторию. Мне выдали билет до Москвы, командировочные. Я навещал мать, попрощался с нею и, не чуя под собой ног от восторга, отправился в Москву искать свое счастье...